

ТРАНСКРИПТ ПОДКАСТА «ВЕДЕНИЕ ДЕЛ ПО СТАТЬЕ 18» 2021 ГОДА

Данный транскрипт к подкасту «Ведение дел по статье 18» доступен на [Spotify](#) и на сайте www.ehrac.org.uk.

Наше прилагающееся руководство «Ведение дел по статье 18» также доступно на русском, английском, грузинском и украинском языках на нашем [веб-сайте](#), на котором представлена дополнительная информация по статье 18 и стратегиях ее рассмотрения в рамках дела в Европейском суде по правам человека.

Middlesex
University
London

Стенограмма:

00:00:00 Сэм Найтс

Здравствуйте и добро пожаловать на подкаст EHRAC! Я Сам Найтс, я барристер адвокатской палаты «Матрикс», а также председатель Консультативного Совета EHRAC в Великобритании. Уже много лет я сотрудничаю с EHRAC по множеству дел, особенно по России и Грузии. Со мной сегодня Филип Лич, основатель и директор EHRAC, профессор прав человека Мидлсекского университета.

А также Расул Джафаров, адвокат и правозащитник в Азербайджане и Башак Чали, со-директор Центра фундаментальных прав, профессор международного права берлинской Школы Херти, а также председатель Европейской сети по имплементации постановлений ЕСПЧ.

Мы собрались, чтобы обсудить важную, но сравнительно малоиспользуемую статью 18 Европейской Конвенции по правам человека, которая касается злоупотреблений властью, неправомерных или скрытых мотивов и завуалированных ограничений прав. Данное положение гласит, что ограничения, допускаемые в Конвенции в отношении указанных прав и свобод, не должны применяться для иных целей, нежели те, для которых они были предусмотрены.

Итак, Фил, давайте начнем с того, что я попрошу вас растолковать, что имеется в виду статьей 18? О чем она, ее истоки, ее цели, как она работает?

00:01:24 Филип Лич

Да, конечно, Сам. Как вы уже сказали, это положение направлено на то, чтобы предотвратить ограничение наших прав человека, наших прав по Конвенции, властями со скрытыми целями, по скрытым причинам. И применяется оно особенно в отношении того, что описывается некоторыми, как политическое преследование.

Ее истоки восходят к самому зарождению конвенции. Европейская Конвенция по правам человека была составлена в конце 40-х, сразу же после Второй Мировой Войны, и это положение было нацелено на деспотизм и авторитаризм. Она была направлена на предотвращение злоупотребления властью, использования произвольных мер и было попыткой способствовать обеспечению верховенства права.

Примечательно то, как она развивалась. Несколько десятилетий она находилась в спячке, и только недавно, всего лишь в течение нескольких лет, мы стали свидетелями такого расцвета прецедента в ЕСПЧ. Случилось это, потому что политики, правозащитники, журналисты, активисты, те кто противостоят определенным авторитарным государствам успешно воспользовались этим положением в делах, в частности, против России, Азербайджана и Турции.

И потом, эти дела очень, по моему мнению, очень знаменательны, не только потому, что в Суд поступило большое количество таких дел. Было даже заявлено, что власти намеревались заставить замолчать и наказать активистов за их работу по правам человека. В некоторых случаях, [власти] подавляли плюрализм, арестовывая оппозиционных политиков, что, по заявлению Суда, угрожает самой сути демократии.

00:03:21 Сам Найтс

Башак, я надеюсь, мы можем попросить вас вступить в разговор по этому моменту. Фил вкратце коснулся того, почему статья не так часто использовалась до сегодняшнего дня и почему она «расцвела» недавно. Но не могли бы вы сказать несколько слов о том, почему это настолько важное

положение, даже если оно не так широко используется? И также, в какого рода жалобах она, в основном, применялась?

00:03:46 Башак Чали

Сам, вообще-то заявители, обращавшиеся в бывшую Европейскую Комиссию по правам человека и в Суд по правам человека, использовали статью 18 в своих представлениях в суд даже в 50-х. Так, например, в 1955 году, в Германии гомосексуальный мужчина, в деле «WD против Германии», заявил Комиссии, что его гомосексуальность была криминализована, и что это нарушало статью 18 Конвенции.

Так что, заявители используют это положение достаточно долго. Но что интересно, Суд и Комиссия не слишком серьезно воспринимали жалобы заявителей по статье 18, и на самом деле, это продолжалось очень и очень долго. В 50-х, 60-х, 70-х и в 90-е мы видим, что заявители говорили, что существуют неправомерные скрытые цели в ограничении этих прав. Но когда мы возвращаемся к этим делам, смотрим на прецеденты бывшей Комиссии, а так как Суд сейчас постоянно действующий суд, а Комиссии больше нет, бывшая Комиссия придерживалась мнения, что чтобы доказать скрытую цель, заявители обязаны иметь точный стандарт доказательств.

И в большинстве случаев Комиссия и Суд, заявляли, что рассматривать эти жалобы нет необходимости, или же, что в их распоряжении нет каких-либо доказательств, чтобы подтвердить такого рода жалобы.

Так что это на самом деле интересно, потому что открытие, или даже повторное открытие статьи 18 приходится на нулевые. Первым делом было дело против России, Гусинский против России. В самый первый раз, в 2004 году Суд посчитал, что заявитель предоставил точные доказательства, и Суд смог сказать, что в задержании г-на Гусинского была скрытая цель.

Итак, почему эта статья так важна?

Что мы можем сказать, наверное, так это то, что эта статья не важна, в том смысле, что она не указывает нам на то, что было ли нарушено какое-либо право или нет. Суд устанавливает нарушения прав по произвольному задержанию или выражению свободы мнения в тысячах дел. Но статья очень важна, так как она говорит нам почему права Конвенции были нарушены, и это дает нам другой взгляд на вещи. Она говорит, что нарушение произошло не потому, что государственные органы неадекватно применили Конвенцию, или же что они действовали произвольно, а потому что у властей была скрытая, неправомерная, скрытая цель, когда они нарушали эти права.

Как Фил уже упомянул, Суд до сего момента акцентировал свое внимание на двух типах скрытых целей. Первая - экономическая скрытая цель, вторая - политическая скрытая цель. Однако, то, что мы наблюдаем за последнее десятилетие - это концентрация Суда на скрытых политических целях и на ограничениях прав. А именно, правозащитников и активистов заставляют замолчать, и даже может быть и наказать, то есть, не только принуждение к молчанию, но и их наказание. Таким образом, фокус в прецедентных делах сместился. Суд применяет 18 статью все чаще, что говорит о том, что в юрисдикции имеет место быть нечто экстраординарное. Государственные органы слишком далеко заступают за черту верховенства права в своей юрисдикции. Неуважение прав и Конвенции - это не только проблема отсутствия возможностей, отсутствия толкования или же какого-то отсутствия должных правовых норм, это неуважение, по сути, становится мотивом для отступления от верховенства права в те моменты, когда государство вступает в контакт со своими гражданами.

00:08:27 Сам Найтс

Что ж, я думаю этот обзор того, что происходит с 18 статьей необычайно полезен. Прежде, чем мы

обратимся к Расулу, а Расула я хочу расспросить именно о том, как статья 18 применяется в Азербайджане, я бы кое-что хотела уточнить. Возвращаясь к истории, а именно, правильно ли рассматривать дело Мерабишвили в 2017 году, как поворотный момент в том как Суд подходит к 18 статье? Это так? Я имею в виду то, что вы вели это дело.

00:09:13 Филип Лич

Да, это было одно из дел, которое вел EHRAC. Оно о возбуждении дела против Вану Мерабишвили, который много лет возглавлял Министерство внутренних дел Грузии и некоторое время был премьер-министром Грузии. В 2012 году, после смены правительства, против него возбудили дело по различным преступлениям: злоупотребления служебными полномочиями. Суд и Большая Палата по этому делу пришли к выводу, что имел место один случай, когда его тайно вывезли из его камеры, где он находился в предварительном заключении, отвезли через весь Тбилиси и представили его начальнику тюремной службы и прокуратуры Грузии, где его подвергли шантажу в обмен на информацию о других политиках. При первой же возможности, пару дней спустя, на судебном слушании, он сразу же рассказал об этом. На тот момент грузинские власти отрицали этот случай, и отрицали его всегда с тех пор, однако Суд установил, что это произошло на самом деле, и что этот случай произошел именно таким образом, каким его представили в жалобе. По моему мнению, это дело - дело важное потому, что оно рассматривалось Большой Палатой и оно устанавливает базовый прецедент по этому положению. Более того, оно важно, так как оно создает проблему. Некоторые из подобных дел, не все, но некоторые, указывают на то, что кто-то, что существует обоснованное подозрение, что кто-то совершил преступление, и Суд приходит к выводу, что, да, были некоторые основания для возбуждения дела. Но еще есть и другая информация, что государственные органы действовали из скрытых побуждений, обычно, по политическим мотивам. Что делать с этим?

Ответ Суда - попытаться установить, какая цель была преобладающей, а такая задача, как мне кажется, достаточно трудна. Пример дела Мерабишвили в том, что здесь Суд занял позицию, что после случая с шантажом (Суд принял, что он имел место), в этот момент цель сместилась. Поэтому то это дело и такое важное. Я думаю, что оно важно в том пункте, о котором говорила Башак, что доказательства должны указывать на скрытую цель. Вы можете представить, что это достаточно трудная проблема. Как вы, если вы действуете от чье-либо имени, как вы доказываете Суду, что правительство действовало со скрытыми намерениями? Суд в деле Мерабишвили подтвердил, что нет необходимости в высоких доказательных стандартах, которые он требовал до Мерабишвили. Суд применяет обычный стандарт.

00:12:12 Сам Найтс

Хорошо, во многих отношениях можно увидеть, насколько полезно это руководство Суда. Однако, явно необходимо принять во внимание очень серьезные аспекты, которые нужно рассмотреть до применения статьи 18. Поэтому я сейчас хочу обратиться к Расулу и посмотреть, как статья 18 применяется в Азербайджане. Итак, Расул, расскажите о тех делах, в которых вы принимали участие. И конечно же о деле Расул «Джафаров против Азербайджана».

00:12:47 Расул Джафаров

Да. Давайте я начну с того, что я думаю, что 18 статья начала интересовать юристов в 2013 году, так как в Азербайджане, именно в этом году, кажется, мы наблюдали массовое подавление оппозиции властями Азербайджана, политических активистов, а также многочисленных правозащитников, и как вы уже упомянули, и меня.

Первое дело, по которому Суд вынес решение о признании нарушения статьи 18, было дело Ильгара

Мамедова в 2014 году. Затем было дело Расула Джафарова и позже Интигама Алиева и Анара Мамедли, моих коллег, правозащитников и юристов по правам человека. Анар Мамедли - эксперт по выборам.

Позже были и другие дела - Хадиджа Исмаилова, видная журналистка-расследователь, и дело Юнусова, правозащитника, вынужденного покинуть Азербайджан после того, как он провёл два года в тюрьме. Это ясно показывает, что статья 18 была использована для помощи тем, кто столкнулся с репрессиями и правовыми проблемами в Азербайджане, которые применялись правительством, я имею в виду те правовые проблемы, которые исходили от правительства Азербайджана.

Таким образом, сейчас у Азербайджана, я полагаю, более 10 дел. Ни у одного государства, члена Совета Европы, нет такого количества дел. У нас есть своего рода список таких дел среди членов Совета Европы. И это четко демонстрирует ситуацию с правами человека в Азербайджане. И в то же время, как было указано в деле «Интигам Алиев против Азербайджана», эти дела не просто жалобы, это систематический подход, который применяется правоприменительными органами и одновременно судами Азербайджана. Эти действия направлены на то, чтобы заставить замолчать политиков и правозащитников страны.

Вот таким образом применяется 18 статья в Азербайджане. И как я уже сказал, более 10 дел.

00:15:57 Сам Найтс

Спасибо, Расул. Как вы уже сказали, сомнительная честь иметь столько дел по 18 статье. Могу я задать уточняющий вопрос, по-вашему, как эти дела повлияли на ситуацию с правами человека в Азербайджане? Как вы думаете, правительство озабочено тем, что против него выносятся негативные решения по 18 статье?

00:16:25 Расул Джафаров

Да, я убежден, что они озабочены, хотя они не любят показывать озабоченность, в большинстве случаев, они предпочитают демонстрировать, что их это не волнует. Однако, на практике, дело обстоит по-иному. Они точно озабочены, особенно по делу Ильгара Мамедова. Комитет министров, в первый раз за всю историю Совета Европы применил статью 6.4, о нарушении судебного разбирательства. Из-за этих разбирательств последовали года уведомлений и дипломатических мер Совета Европы и Комитета министров с тем, чтобы разъяснить правительству Азербайджана, что они должны выполнить решения полностью. На практике, по двум делам, в деле Мамедова и по моему делу, Верховный Суд выполнил решения Европейского Суда полностью. Он отменил все статьи, по которым против нас были предъявлены уголовные обвинения, а в своем решении он указал на то, чтобы нам была выплачена компенсация за незаконно проведенное время за решеткой.

К сожалению, мы не видим такого же подхода к другим делам. С другой стороны, и я хотел бы выделить это как практическую важность 18 статьи в Азербайджане, другие дела, кроме Мамедова и Джафарова, также включены в повестку Верховного Суда. Таким образом, в Верховном Суде находятся многие из этих дел и это включено в обмен сообщениями между Комитетом министров и правительством Азербайджана. Представители правительства упомянули эти дела несколько раз, а также в официальных сводках они упомянули, что Верховный Суд рассмотрит эти дела так скоро, как это только представится возможным. Они говорят это из-за пандемии, из-за войны, которая произошла между Азербайджаном и Арменией в прошлом году. Правительство говорит, что Верховный Суд не может работать в обычном режиме, но сейчас у нас нет никаких ограничений, поэтому я полагаю, что Комитет министров, а также правозащитники и правозащитные организации также должны призвать правительство Азербайджана рассмотреть дела и отменить все обвинения против правозащитников, активистов и по другим делам.

Так что, с этой точки зрения, я считаю, что она [статья] очень важна. И конечно же, это заняло больше времени, чем нам бы этого хотелось. Это длительный процесс. Это трудный процесс. Правительственный посол попытался помешать этому процессу, но в итоге мы смогли добиться двух оправданий, и другие дела также сейчас находятся на рассмотрении Верховного Суда. Это правовой аспект, но существует также и общий аспект, я бы сказал аспект пропаганды. В результате постановлений Совета Европы два года назад они назначили специального докладчика по политическим заключенным в Азербайджане, и докладчик подготовила отчет о предполагаемых делах политических заключенных в стране. Ее основной довод, ее основная ссылка была именно на решения Европейского Суда, в которых Суд установил нарушения статьи 5 в сочетании со статьей 18, что явно указывает на то, что есть место для международной адвокации с надеждой на какие-то результаты.

00:21:17 Сам Найтс

Очень интересно и похоже, что, как вы говорите, будут некоторые позитивные сдвиги в области верховенства права в Азербайджане от применения статьи 18. Хорошо, мы вернемся к применению и влиянию на средства правовой защиты немного позже и рассмотрим ее в более широком аспекте. Но сейчас я бы хотела обратиться к практической стороне для юристов и НПО, к тем случаям, когда они полагают, что у них есть дело, где они могут применить статью 18.

Башак, вы не хотели бы рассказать об ограничениях использования статьи 18 и том, что она должна применяться в сочетании с другим правом, и можно ли ссылаться на нее по всем другим правам Конвенции или же только на те, по которым были вынесены определения, например, статьи 5 и 8?

00:22:36 Башак Чали

Прецедент Европейского суда по правам человека, можно сказать все еще эволюционирует, хотя Фил упомянул решение Большой Палаты по Мерабишвили. Недавно Большой Палатой было вынесено еще одно решение по «Демирташ против Турции». Однако, я считаю, что Суд, также как и юристы и стороны в судебном процессе, все еще, как бы, нащупывают путь. Одно из качественных отличий статьи 18, установленное Судом, заключается в том, что ее положения не самостоятельны. Мы уже обсудили это: статья 18 говорит, что нельзя ограничивать права по причинам, которых нет в Конвенции. И поэтому Суд заявляет — это означает, что это право, или же в действительности это положение, так как это не право само по себе, может быть использовано только в сочетании с другим правом.

Идет интересная дискуссия о том, может ли статья 18 использоваться только в сочетании с теми правами, которые содержат ограничительные пункты. Таким образом Суд пока научился как использовать такое положение, как отметил Расул, в делах по статье 5, где мы наблюдаем более, чем произвольное лишение свободы. Итак, в делах по статье 5, статья 18 указывает на то, что лишение свободы было более, чем произвольным, что был злой умысел, скрытая цель.

С этой целью Суд также сейчас признает, что статья 18 может вступить в игру не только в контексте статьи 5, но и относительно других прав, отвечающих определенным требованиям. Но должна ли она вступать в игру относительно других положений, таких как абсолютные права или право на справедливое судебное разбирательство? По этому поводу в Суде все еще ведутся обсуждения и дебаты.

Я подозреваю, что эти обсуждения еще не закончились. Поэтому большее количество разбирательств в Суде дадут нам лучшее понимание того, как работает статья 18. Если подумать, то тот факт, что о статье 18 Суд в первый раз заговорил в 2004 году и было принято лишь 18 решений по ней, если я не ошибаюсь, то это очень важный прецедент, но одновременно это очень малое количество прецедентов в Европейском суде по правам человека. Наверное, нужно сказать несколько слов о

тех доказательств, которые предоставляли стороны. Они указывали на то, что одно из фундаментальных прав [было нарушено], и, [поэтому], в большинстве случаев, как мы уже говорили, лишение свободы или же то, что мы называем политическим преследованием, становилось основным фокусом.

Но давайте не будем говорить, что это обязательно должно быть так. Вообще-то, это практика, как мы ее наблюдаем, как уже сказал Расул. В такого рода делах, фактически существуют два пути, по которым Суд приступает к вопросам касательно статьи 18. Первый путь относится к непосредственным фактам, сопровождающим дело. Суд обращает внимание на очевидные несоответствия, своего рода, более глубокие проблемы, которые сопровождали то, как дело, судопроизводство или судебное разбирательство были проведены. Например, против лица было возбуждено дело на основании каких-то фактических событий, которые произошли за пять или шесть лет до факта [возбуждения дела]. Таким образом, как бы задается вопрос, а почему прокуратура так заинтересована в этом, в суде над человеком, спустя очень долгое время после фактических событий, например. Однако Суд заинтересован не только в сопутствующих ситуации несоответствий, но также и в общей картине защиты прав человека в определенной стране. Поэтому одним из важных индикаторов, который мы извлекли из азербайджанских дел, заключается в их самом большом количестве, находящихся, как сказал Расул, на рассмотрении Европейского суда по правам человека. Здесь Суд как бы смотрит, является ли эта ситуация изолированным случаем или же она - часть более масштабного, скажем, подавления политиков, лидеров оппозиции, подавления правозащитников, юристов по правам человека или журналистов. Если хотите, Суд пытается применить такого рода двойной стандарт. Один - рассмотрение непосредственных несоответствий и фактов отдельной жалобы, [другой] а также выявляется ли общий рисунок. Таким образом, мы можем сказать, что ситуация отдельного человека совпадает с более масштабным рисунком эрозии защиты прав человека в этой стране. Что мы также наблюдаем в делах по статье 18, так это то, что они, обычно, говорят о разложении демократии, так как Суд выделяет моменты подавления оппозиции, плюрализма, разницы во мнениях и так далее. Также Суд говорит нам, что судьи не независимы и беспристрастны, в частности, они действуют под влиянием своих политических лидеров и исполнительной власти. Таким образом, в делах по 18 статье мы видим своеобразный дуализм. Это раскрывает нам более широкую картину, скажем, разложения демократии и верховенства права в некоторых странах, членах Совета Европы.

00:28:57 Сам Найтс

Спасибо. Мы услышали достаточно много о том, какой тип доказательств необходимо приводить по статье 18. Я думаю, что из того, что было сказано вами тремя, решение применять ли статью 18 или нет может быть непростым в стратегическом плане. Поэтому, Фил, хотите ли вы сказать что-либо по поводу стратегического применения 18 статьи? Как вы решаете, когда ее применять, а когда нет? Может, вы можете высказаться по поводу политического преследования по делам Ходорковского, где применение 18 статьи было безуспешным и как мы можем сопоставить их с делами Навального? Есть ли какие-то уроки, какие мы, юристы, могли бы извлечь из тех решений?

00:30:11 Филип Лич

Эти дела задают трудные стратегические вопросы. Если вы подаете жалобу по 18 статье, то вы пытаетесь придать большую огласку... это повышает ставки дела. Вы обвиняете правительство в особо тяжком и нарочитом злоупотреблении властью, в недобросовестности. Это серьезные обвинения. Это выводит дело, можно сказать, на другой уровень, и Суд не будет принимать поспешных выводов. Таким образом, перед вами стоит трудная проблема доказательства скрытой цели. Теперь, в Азербайджане дела правозащитников, о которых говорил Расул, его собственное дело и дело Интигама Алиева, а также дело Лейлы и Арифа Юнусовых и других, - контекст репрессий против правозащитников в Азербайджане с 2014 года настолько насыщен, настолько очевиден, что Суд смог вынести ряд решений, подтверждающих, что судебное преследование этих правозащитников

и политических активистов, противостоящих правительству, было осуществлено со скрытой целью. Они [Суд] рассмотрели более масштабный контекст и судебное преследование таких людей, как Расул, за предполагаемое нарушение закона о работе НПО и за предполагаемое нарушение закона об иностранном финансировании. Суд заявил, что не было реальных оснований [для возбуждения], таким образом, остался более масштабный контекст. У нас есть похожее дело, находящееся на рассмотрении, от имени Алексея Навального, относящееся к 2019 году, к судебным преследованиям его и его коллег, обыскам, произведенным в его офисах и в офисах его коллег и связанных с ним организаций, заморозкой банковских счетов и так далее. Здесь мы снова применяем 18 статью, так как мы полагаем, что существует достаточно доказательств в широком контексте, а именно более масштабных репрессий государственных органов. Поэтому все эти вопросы должны быть... вы должны принять решение по ним и по риску проигрыша, последствий проигрыша по такого рода аргументам. Я думаю, что одно из положений, с которым мы столкнемся, это как это повлияет на возмещение вреда. Если вы подняли ставки таким образом и вы выиграли, то возможно, я думаю, будут важные последствия в отношении возмещения, как для тех, кто пострадал, заявителей, так и в более широком масштабе. Я считаю, что мы точно придем к этому.

Дела Ходорковского и Гусинского на самом деле очень интересны. Они были поданы ранее, в 2004 и 2011 годах. Они похожи в том, что оба заявителя были предпринимателями, которые выиграли от распродажи государственных активов в середине 90-х. Михаил Ходорковский в контексте нефтяной компании ЮКОС, а г-н Гусинский в контексте СМИ, так как он был владельцем или мажоритарным владельцем NTV. У обоих были политические амбиции. Оба высказывались критично или же поддерживали критиков в России. Оба были подвергнуты судебному преследованию и оба применили к своим жалобам статью 18. Как вы уже сказали, Сам, Михаил Ходорковский не смог выиграть, Суд пришел к выводу, что для преследования были основания, в основном уклонение от уплаты налогов, и другие преступления. Существовали основания для обоснованного подозрения, но у его юристов не было достаточно доказательств показать, как они заявляли, что весь судебный механизм был использован ненадлежащим образом. Суд также заявил, что они применяли к этим делам очень, очень высокий стандарт доказательств. Я думаю, что это изменилось, как мы уже говорили. Гусинский был успешен, потому что, по моему мнению, существовал один документ, который доказывал, что происходило на самом деле. И что примечательно, тогдашний министр печати нанес Гусинскому визит в тюрьму и сказал «мы снимем все обвинения против тебя, если ты продашь свои акции NTV Газпрому», что он вскорости и сделал и после этого он был освобождён.

Однако, что еще более примечательно, существовал контракт, подписанный министром, который они [юристы] предъявили, и для Суда этого было достаточно, чтобы принять факт существования в этом деле скрытой цели.

00:35:04 Сам Найтс

Да, это также лишь указывает на важность очень, очень тщательной подготовки на стадии разглашения содержания документов и внимательной подготовки всех подобных дел, а также на то, что исход дела может измениться благодаря одному или двум документам.

Давайте теперь поговорим о проблеме приведения в исполнение [решения Суда] и какое практическое, в каком-то смысле влияние, оказывает выигрыш по статье 18. Я имею в виду то, о чем так четко высказался Расул, о том влиянии на дела в Азербайджане; то есть если мы отступим на шаг назад и посмотрим на общую имплементацию, она является большой проблемой для ЕСПЧ.

Что может реально и на практике предпринять Комитет министров по решению по статье 18, если государство не выполняет его относительно повторных рассмотрений или же отмены незаконного преследования? Или же проведения тщательного расследования? Дает ли это Комитету министров дополнительные инструменты? Фил, не могли бы вы прокомментировать это, и может быть и вы, Башак?

00:36:34 Филип Лич

Да, конечно. По моему мнению, эти дела повышают ставки и привлекают повышенное внимание, как я уже сказал раньше. Это может привести к более сильным мерам возмещения ущерба, как для заявителей, так и для более масштабных мер через изменения законодательств и так далее. Мы уже упомянули некоторые примеры таких дел, приведших к освобождению оппозиционного политика Ильгара Мамедова.

В Турции, и Башак подробнее остановится на этом, Комитет министров недавно призвал к освобождению курдских политиков Селухаттина Демирташа и правозащитника Османа Кавала. Это еще не произошло, но они призвали, так же как и Суд, к их освобождению. В деле Расула, его приговоры были отменены, и это очень знаменательное развитие событий. Если бы мы вели эту беседу какое-то время спустя после 2014 года, я бы не смог предсказать смогли бы мы достичь такой позиции или нет, где бы меры для заявителей были бы значительными. В деле грузинского политика Мерабишвили Комитет министров указал, что грузинское расследование осуществляемое сейчас по факту его тайного вывоза из тюрьмы и его шантажа, этого должно быть достаточно, чтобы установить уголовную ответственность тех, кто был вовлечен в это. Также они говорят, что расследование должно быть достаточным, чтобы установить повлияли ли эти события на уголовное преследование против самого Мерабишвили. Так что, на самом деле - значительные последствия.

И потом, у нас есть более масштабные меры, масштабные шаги. Опять-таки, в делах по 18 статье Суд показал готовность оказывать более сильное и далеко идущее давление и в этом у него есть поддержка Комитета министров. Так, по делу Интигама Алиева, юриста-правозащитника в Азербайджане, которого упомянул Расул, например, и Комитет министров, и Суд настаивали на его личном восстановлении своей профессиональной роли. Он был невыездным, его офис простоял закрытым много лет и так далее, но призыв был более масштабным. Призыв был положить конец такого рода судебной травле и должным образом защитить правозащитников и критиков. Так что, последствия гораздо глубже, не только для самих заявителей, они приводят к реальным изменениям в законодательстве и политике.

00:39:24 Сам Найтс

Это действительно интересно. Башак, вы не могли бы прокомментировать, чем на ваш взгляд, полезна статья 18 в контексте дел против, в частности, Турции? Я имею в виду именно вопрос имплементации и что можно сделать в целом для усиления верховенства права в стране?

00:39:51 Ба шак Чали

Давайте я начну с того, что соглашусь с Филом по поводу принятия Судом решения по статье 18 — это дело нелегкое, из-за проблемы предоставления ряда доказательств, которые должны быть представлены так, как мы уже обсудили. Таким образом, Суд пытается донести очень серьезный сигнал всем в Совете Европы - что это срочное, важное дело, которое нуждается в незамедлительном и серьезном выполнении [имплементации].

Мы также наблюдаем, что Суд более четко формулирует возмещение вреда в своей судебной практике, что мы и увидели в турецком контексте, в решении по делам Кавала и Демирташа. И Суд указал, что эти лица должны быть незамедлительно освобождены из предварительного заключения, а для тех слушателей, которые знают о ЕСПЧ, Суд ранее не указывал такие специфические, срочные меры возмещения вреда отдельным лицам.

И если мы говорим о Комитете министров, то я думаю, мы здесь также наблюдаем очень обнадеживающую реакцию на решения по 18 статье. Мы видим, что Комитет министров регулярно ставит эти решения по статье 18 в свою повестку. Они [дела] всегда находятся в первоочередном

списке по имплементации, хотя мы знаем, что Комитету министров приходится работать с огромным количеством неимплементированных дел. Но решения по 18 статье опережают по срочности [другие дела] и Комитет министров провел разбирательство по нарушению, как указал Расул, в деле Мамедова и вынес промежуточные резолюции. Но когда мы смотрим дальше положительных примеров, а положительные примеры есть, то такого рода отягченные, почти на грани нарушения [дела], то это обращает на них много внимания и много реакции. Это произошло в деле Украины и решения по 18 статье по Украине тоже можно воспринимать как успех, я бы сказала.

Но у нас все еще есть и более серьезные проблемы. И так две страны, Турция и Россия, крупные страны Совета Европы, которые получили решения по 18 статье, до сих пор не отреагировали, как отреагировали на подобные решения Грузия или Азербайджан, или Украина. Что касается Турции и решений по Кавала и Демирташ, когда мы смотрим на обмен сообщениями между правительством и Комитетом министров или же на их план действий, который они все должны представить в процессе имплементации решений, мы видим своего рода новую проблему в этом процессе. И оказывается, например Турция, не обязательно соглашается с решениями Европейского суда по правам человека, или же, что на кону стоял скрытый мотив для удержания Кавала и Демирташа. Один из моментов, которые они подняли в связи с этой проблемой, по их словам, «эти лица были задержаны в контексте судебного процесса». А после они освобождают их из этого заключения, а затем им предъявляют обвинение в другом преступлении. И они задерживаются на основании этих новых обвинений. Таким образом, одним из ключевых аргументов Турции Комитету министров в отношении Кавала и Демирташа заключается в том, что нет никакого решения для исполнения или же освободить из предварительного заключения некого, потому что этим людям были заново предъявлены обвинения и они заново были задержаны. Таким образом стоит очень интересный и важный вопрос: какие инструменты может в действительности задействовать Комитет министров в таких делах, когда власти не соглашаются с такой отягченной формой решения и, может быть, и за пределами такого несогласия, когда они прибегают к своего рода новой тактике и стратегии для того, чтобы не выполнять эти решения. Существует много успешных историй, я думаю, в отношении задержания и реакции на эти решения [Суда]. Однако, что касается турецких дел, Кавала и Демирташ, а также полное отсутствие реакции со стороны России по делу Навального, это говорит нам, что эти государства не желают сотрудничать и, что статья 18 в действительности не работает в достижении конкретных результатов для заявителей и их юристов.

00:44:58 Сам Найтс

Да, теперь о негативных аспектах применения статьи 18. Расул, я бы хотела опять обратиться к вам и спросить, есть ли риски при применении статьи 18 в некоторых делах в Азербайджане и как вы представляете себе применение этой статьи в будущих делах из Азербайджана? Как, по-вашему, можно ли ее отныне применять более часто?

00:45:34 Расул Джафаров

Определенно, риски существуют. Я согласен с моими коллегами, некоторые страны делают все возможное, чтобы как можно дольше игнорировать решения. Это ясно.

Одновременно, мы должны понимать, что не все страны обладают похожими инструментами. Я бы не сказал, что, например, Азербайджан готов покинуть Совет Европы, но в случае с Россией это вероятно, и они не будут слишком сильно обременять себя, если в конце концов они решат выйти без имплементации решения. Что я хочу сказать, это то, что риски существуют, и здесь больше политических рисков, что страны в конце концов решатся на выход из Совета Европы, а вместе с ними и [отказаться] от обязательств, связанных с Европейской Конвенцией. И так это риск номер один, по моему мнению, по некоторым странам, особенно для России, может быть и даже для Турции, я не уверен, но, к сожалению, это тоже возможно. Я надеюсь это не произойдет, но если мы говорим

о рисках, то такой род риска, по моему мнению, существует. Что касается Азербайджана, решения по делам по статье 18 также важны и с моральной точки зрения. Политические заключенные, и те кто были арестованы по политическим мотивам, они, в каком то роде, ощущают некоторую поддержку в такого рода делах. Они понимают, что каждый в стране знает, что такое дело наверняка политическое, и не смотря на всю пропаганду и шантажирующие материалы в СМИ и социальных сетях, тот человек за решеткой, он или она, в некотором роде, оправдываются решением Европейского Суда. Так что, с моей точки зрения, это очень важно. Я ожидаю, что последует еще больше решений, так как до и включая 2018 год, у нас огромное количество политически мотивированных дел. Мы можем говорить о делах журналистов, политических деятелей, членов оппозиционных партий и большинство этих дел уже или были коммуницированы Судом правительству Азербайджана и сейчас ожидают своих решений, или же коммуницирование между Судом и правительством произойдет в скором времени. Поэтому я полагаю, что будет еще больше вынесено решений по статье 18, так как количество дел, начиная с 2013 года, как я уже упомянул в моем ответе на ваш первый вопрос, кардинально возросло. Особенно после января 2013 года, когда Парламентская Ассамблея не смогла принять резолюцию по политическим заключенным в Азербайджане. Когда журналисты и эксперты начали копать этот вопрос, они выявили информацию, что это произошло в результате невероятной коррупции и механизмов, которые существовали в Совете, в Парламентской Ассамблее; так что в 2013 году правительство Азербайджана почувствовало безнаказанность в том, что они могут начать это массивное подавление. Так что, между 2013-м и 2019-м, здесь есть группа политически мотивированных дел, и я думаю, мы можем ожидать и больше дел.

00:50:55 Сам Найтс

Очень интересно. Я думаю, у нас еще есть время для пары небольших вопросов прежде, чем мы закончим. Для начала, Фил, вопрос к вам. Существуют ли эквивалентные положения статьи 18 в других международных инструментах по правам человека? У нас есть некоторая защита во внутреннем законодательстве, но меня интересует, что еще есть на международной арене, что выполняет такую же работу, как и статья 18?

00:51:26 Филип Лич

Действительно интересный вопрос, Сам, но нет ничего такого, что эквивалентно ей. Данное положение уникально среди международных и региональных систем по правам человека. И это на самом деле одна из областей, где Европа лидирует, потому что здесь существует это специальное положение, которого нет в других.

00:51:54 Сам Найтс

Башак, и последний вопрос к вам. Мы многое услышали во время этой нашей сессии о применении 18 статьи против государств бывшего Советского Союза и против Турции, но применялась ли она против других государств и если нет, то почему?

00:52:23 Башак Чали

Да, заявители из более старого Совета Европы и меньшего западного Совета Европы много раз пытались применить статью 18, но безуспешно. Но когда мы сейчас наблюдаем, как за последние два десятилетия статья 18 становится по настоящему очень важным положением, чтобы указать на авторитарные стратегии, на влияние исполнительной власти на судей, на подавление плюрализма и демократии. Именно в этом контексте статья 18 применялась до сих пор. У нас нет каких-либо решений относительно других контекстов, где может быть применена 18 статья. Я бы переименовала

вопрос, почему нет? Потому, как уже указал Фил, что применение статьи 18 сводится к повышению ставок в каком-нибудь особом вопросе, и это не обязательно должны быть авторитарные практики, усиление подавления оппозиции. И поэтому, здесь существуют возможности задуматься о скрытых целях в других контекстах. Например, один контекст приходит в голову - это практика контроля за миграцией и так далее. Но, насколько я знаю, контекст, в котором до сих пор применяется статья 18 — это антидемократические практики, которые идут вразрез с защитой верховенства права.

00:54:13 Сам Найтс

Спасибо всем, это были захватывающие и по-настоящему поучительные 55 минут. Много пищи для размышлений. Всем спасибо за то, что слушали подкаст EHRAC. Более подробную информацию по статье 18 вы сможете подчерпнуть в руководстве EHRAC по ведению дел по статье 18, которое можно найти на сайте EHRAC. ЕСПЧ также опубликовал руководство. И самое важное, если вы пожелаете оказать поддержку замечательной работе EHRAC, вы сможете это сделать в виде пожертвований на главной странице сайта EHRAC www.ehrac.org.uk или же посетив сайт committedgiving.uk.net/middlesexboard/public/. Большое всем спасибо.

EHRAC **European Human Rights
Advocacy Centre**

Middlesex University
The Burroughs Hendon
NW4 4BT
Tel: +44 208 411 2826
www.ehrac.org.uk
ehrac@mdx.ac.uk

EHRAC is established within Middlesex University.
The University is an exempt charity by virtue of the
Charities Act 1960.